

Позвольте мне дать вам небольшой совет: дождитесь наступления ночи, зажгите ночник и тогда открывайте эту книгу.

*Максим Шаттам,
Эджкомб, январь 2002.*

Дьявол может цитировать Писание для своих целей.

*У. Шекспир,
«Венецианский купец»*

ПРОЛОГ

*12 апреля 1997,
где-то над Колорадо*

Харви Моррис откинул столик, расположенный в спинке переднего сиденья, и положил на него свои кварцевые часы. Равномерный гул в салоне самолета изредка прерывался постанываниями ребенка, сидевшего через несколько рядов. Пассажиры погрузились в просмотр фильма или спали, свесив головы.

Откинувшись в кресле, Харви смотрел в иллюминатор, при этом его пальцы нервно постукивали по подлокотнику. Он больше не мог ждать. Каждая минута растягивалась до размеров часа, пропорционально увеличивая и время его мучений. Начала болеть спина, было необходимо размять ноги, но спавший сосед мешал ему выйти. Он посмотрел на часы, как будто это могло что-то изменить. 16:42. Ничего нового.

Лишенный возможности курить, он сунул в рот очередную жевательную резинку, пятую с момента взлета. И речи быть не могло, чтобы он согласился налепить на себя один из тех пластырей для курильщиков, которые раздавали желающим стюардессы. «Кто знает, не становятся ли они причиной рака кожи, в конце концов?» — повторял он раздраженно.

Харви вздохнул. Ему был виден лишь бесконечный лазурный небосвод и на нем, далеко внизу — длинный мальтоновый плюмаж.

Радиолокатор Боинга 747 Континентальных авиалиний, двигавшегося на высоте 30 000 футов со скоростью 325 узлов в час, показывал давление воздуха в 300 миллибар, что соответствовало атмосферному давлению на вершине Эвереста.

Самолет величественно парил над морем опаловых облаков, скользил в синеве небес, среди неподвижных белых «барашков». Солнечные лучи отражались от его корпуса, вспышки света появлялись то тут, то там, будто отблески на гранях небольших бриллиантов. И вдруг сквозь один из закрытых иллюминаторов проскочила искорка.

В этом не было ничего сверхъестественного, просто короткая вспышка света.

Остальное длилось меньше секунды.

Мгновение спустя фюзеляж, казалось, съежился, словно кто-то разом высосал из него весь воздух: так сжимается пакетик с соком, когда пьющий залпом втягивает через соломинку все содержимое. Тонна герметизированного воздуха вырвалась в атмосферу.

И одновременно появилось пламя.

Внутри корпуса возник огненный шар, тут же распространившийся по всему самолету. Иллюминаторы осветились, скорлупа треснула, взрыв керосина в баках буквально расплавил крылья. Огромный хвост, выкрашенный в цвета авиакомпании, отломился и распался на множество осколков. Четыре мотора «Роллс-Ройс RB-211» общим весом шестнадцать тонн за один краткий миг растворились в небе на расстоянии в несколько километров.

Четыре с половиной миллиона деталей, из которых состоял борт СО-4133, почти бесшумно растаяли в пространстве.

На 9150 метров ниже, на лугу в траве лежал пятнадцатилетний паренек. Щебет мелких птиц и крики пустельги, в которые вклинивалась трескотня сверчка, ритмично обволакивали его, и лишь они нарушали общую тишину. Зажав губами травинку, он думал о Джессике, девочке, которая обычно сидела рядом с ним на уроках математики. Он как раз смотрел в белизну об-

лаков, когда в них что-то блеснуло. Вспышка была короткой, но такой яркой, что он сравнил ее с блеском лампы на воображаемом небесном маяке, включившейся, чтобы помочь терпящему бедствие кораблю. Но поскольку вспышка больше не повторилась, паренек быстро забыл о ней и вновь погрузился в свои подростковые грезы.

Когда вечером СМИ рассказали об авиакатастрофе, он даже и не вспомнил о том, что видел.

Триста двенадцать пассажиров и членов экипажа погибли без единого свидетеля.

Когда снега Скалистых гор стали покрываться пурпурными бликами — как будто специально нужно было дожидаться сумерек, чтобы рассказать о смерти, — состоялась пресс-конференция. На ней присутствовали члены НУТБ* и ФАА**, а также несколько представителей авиакомпании. Кривя губы, они заявляли, что пока не знают, что произошло, произносили термины «несчастный случай» и «техническая неисправность», словно заранее извиняясь перед встречей с семьями погибших.

Даже спустя несколько лет, несмотря на расследование, причина «инцидента» так и осталась невыясненной. Дольше всего причиной случившегося называли короткое замыкание, не имея, впрочем, никакой возможности проверить это. Никто так ничего и не узнал. Некоторые шептали, что речь идет о теракте, совершенном по заказу людей из правительства, другие тихо говорили, что такова воля г-на Хаоса, третьи рассуждали на тему Зла... Все это были домыслы.

Расследование трагедии предшествовало появлению того чувства ужаса, которое ощущается до сих пор.

Сразу после взрыва случились еще более кровавые события: наружу из своего кокона, медленно расправляя крылья, выбрался монстр. Взрыв самолета мог бы стать ключом к разгадке всего произошедшего потом. Шагом к пониманию, приближением.

К убийце. Бесплотному, безмянному, похожему на тень, скрывающуюся на самой верхушке общества, над *обычными* людьми.

Невидимке.

---

* Национальное управление транспортной безопасности.

** Федеральное авиационное агентство.

Бруклин, январь 2002

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Не бывает процветающей цивилизации
без изрядного количества пороков.

Олдос Хаксли, «О, дивный новый мир»

Нарушив спокойствие начинающегося вечера, в темноте просигналил клаксон. Затем, еще пронзительнее и резче, заскрежетали об асфальт шины.

Фары выхватили из темноты одинокую, уходящую куда-то вглубь дорожку. Однако на ней уже не было ни намека на какую-либо тень. Та промелькнула слишком быстро.

Несколькими метрами далее завизжала, резко уйдя вбок, еще одна машина, мощно изобразив гудком подобие протеста.

Она бежала, оглохнув для той суеты, что творилась вокруг, — ей были слышны лишь тяжелые удары собственного сердца, кровь кипела; она была полностью охвачена паникой.

... Он тут! Он гоняет! Он прямо позади меня! Сейчас он протянет руку, и его пальцы меня схватят! Я чувствую, он тут!

Она бежала, спасая свою жизнь.

Ее худой силуэт, скорее, призрачный намек на человеческое тело, подскакивал, выставляя напоказ слепящим фарам машин, голое тело, и они, казалось, стыдливо норовили побыстрее от-вернуться.

Ужасный концерт разыгрывался на краю парка, звуки отражались от стен соседних зданий, одна за другой неподвижно замирали машины. Две из них столкнулись, добавив к музыкальной партитуре импровизацию на тему «препятствие на дороге».

Он приближается! Быстрее! Быстрее! Сейчас он схватит меня!

Она больше ничего не чувствовала. Ни своего жаркого дыхания, рвущегося из груди, словно из жерла вулкана, ни жестоких укусов неровной почвы, впивавшейся в потрескавшуюся кожу ступней. Она бежала, спасая свою жизнь, и после каждого ее шага на земле оставался кровавый отпечаток. Без малейшего колебания, не отдавая себе отчет в том, что делает, она бросилась сквозь кусты, мгновенно пересекла их и выскочила на другую проезжую часть, прямо перед тяжелым грузовиком.

Резина колес в один миг была проглочена асфальтом, когда водитель ударил по тормозам; на дороге остался длинный кривой след. Этого было недостаточно, и водитель давил на педаль уже стоя. Двенадцатитонник пересек разделительную полосу, зацепил стоящий грузовичок и снес фонарь, закончив свой вираж на тротуаре.

Беги! Беги! Он догоняет! Его рука уже здесь, прямо за тобой, сейчас он схватит тебя! Беги!

Она уже чувствовала губительное дыхание смерти у себя на плече, это дыхание спускалось на грудь и пронзало ее насквозь. Безостановочно.

Издалека за происходящим наблюдали двое прохожих — сцена заняла не более тридцати секунд: голая женщина, бежавшая зигзагами, пересекла обе части проспекта и исчезла во мраке парка. Лицо бегуни исказила гримаса истерии — мужчина был в этом убежден, но ему пришлось взглянуть на жену, чтобы убедиться, что это не было всего лишь кошмарным видением. Его спутница, разинув рот, пребывала в состоянии шока. На голове сумасшедшей она заметила большое ярко-красное пятно.

Город исчез позади бегущего силуэта, проглоченного таинственным сумраком густых ветвей — природа оставалась равнодушной к человеческим страстям; даже фонари, насаженные здесь цивилизацией, были бессильны что-либо изменить.

Она бежала и бежала, пот ужаса смешивался с потом от невероятных усилий, его капли скользили по телу, несмотря на холод. Она взбежала по тропинке, покрытой мертвыми колкими сучьями, и решила свернуть направо.

Быстрее! — в отчаянии крикнула она, чувствуя, что изнемогает.

Сотрясаемое внезапным спазмом, ее тело подпрыгнуло, все члены начали дрожать, покрываясь гусиной кожей.

Головокружение, не отпускавшее ее, пока она бежала, усилилось настолько, что рассудок помутился, волна ужаса накрыла женщину, и она потеряла сознание. Ее ноги стали заплетаться в тот момент, когда она пробралась сквозь низенькую изгородь и затем пустилась бежать вниз по склону между деревьев.

Десятью метрами ниже, на заросшей шиповником лужайке, она рухнула на землю.

Прижав руки к бокам, а ноги к животу, она лежала, похожая на забытую мадонну, под невозмутимым взглядом луны, чье отражение скользило по поверхности большого озера.

Она еще дышала.

В Бруклин-Хайтс есть улица, нависающая над Манхэттеном, — темная полоса бетона над заливом; его облюбовали для прогулок семейные пары и пожилые люди. Вдоль него выстроились высокие, тесные дома с барельефами на фасадах, множеством своих окон озаряющие ночную тьму. Под крышей одного из них мерцал странный луч света.

Это был стеклянный купол, похожий на выплывающий из ангара светящийся воздушный шар.

Если бы кто-нибудь забрался так высоко, он был бы удивлен, обнаружив на вершине стеклянного купола несколько семечек подсолнуха, оставленных для птиц.

Взглянув метра на четыре вниз, сквозь этот купол, можно было бы разглядеть паркетный пол и канале, покрытое пестрой расцветки андийским пледом.

Теплая гостиная, защитный кожух, в котором уютно любому посетителю.

На низком столике испускала струйки дыма, причудливо завивавшиеся в танце-фантазмагории, ароматическая лампа. В этот момент случайный посетитель, увлеченный простотой обстановки, не удержался бы от искушения осмотреть комнату чуть внимательнее. Как раз в тот миг, когда он преодолел бы последнее сомнение, он увидел бы лошадку-качалку, сделанную из тикового дерева. Идеальная игрушка, великолепная сохранность которой свидетельствовала о том, что пока ни один ребенок не забавлялся, сидя на ее спине.

Сделав шаг-другой, гость приблизился бы к красной кирпичной стене, от которой исходил теплый свет, излучаемый тремя светильниками. Четыре сосуда-канопы выстроились здесь в цепочку. Их ужасное содержимое заменял плющ, вытянувший свои побеги в пустоту. Возле этого признания в любви фараонам и Вакху висела литография, изображавшая висячие вавилонские сады. В углу рисунка синими чернилами корявым почерком было написано: «Аннабель, райской музе. Маленький сад для моего чуда».

Прочтя столь искреннее признание, любопытствующий постарался бы сделать полуоборот и улететь сквозь купол, но был бы вынужден остановиться, потому что внимание его не могла не привлечь другая стена. Снова красные кирпичи, почти гладкие, и на них — африканские маски с гипнотизирующей мимикой. Ничего определенного, ни глаз, ни рта, скорее, просто дыры, сделанные для того, чтобы давать выход эмоциям хозяина маски. Между двумя раскрашенными лицами — множество фотографий. Сотни запечатленных мгновений, пойманных в кадр эмоций, помещенных рядом друг с другом.

Преследуя лишь одну-единственную цель — узнать больше — посетитель пересек бы гостиную. Он прошел бы мимо канале и низкого столика, ступая по ковру из тонкой шерсти, и с первого раза не заметил бы мерцания эквалайзеров hi-fi магнитолы. И тогда он впервые услышал бы музыку. Очень тихую, нечто среднее между шепотом и тишиной, напоминающую галлюцинацию. Гармоничные переливы — может быть, композиция группы «Шаде» или фрагмент чувственного джаза. Однако

ничуть не сомневающийся в своих намерениях гость снова вернулся бы к разглядыванию фотографий.

Большая часть их запечатлела экзотические пейзажи. Снег, солнце, песок, буря, храм, церковь, Петра, Каппадокия и множество других мест — столь же разнообразных, сколь многочисленных. Тут и там, среди этого двухмерного мира, мелькали силуэты. Особенно повторялись изображения пары, часто обнимающейся, иногда очень нежно. Мужчина с длинными темными волосами был не особенно красив, скорее его облик можно было назвать обычным, однако его улыбка была очаровательной, а взгляд приветливым. Рядом с ним — женщина, несколькими годами младше мужчины. благородный цвет ее кожи и длинные черные косы свидетельствовали об африканских корнях — скорее всего, она была полукровкой. На фотографиях мужчина часто гримасничал, вызывая дикие приступы смеха у своей спутницы.

Разглядев все это, посетитель мог бы позволить себе поизучать интерьер еще немного, тем более что слабое постукивание двери справа могло привлечь внимание. Толкнув ее, он бы очутился в тесной и длинной кухне. Нерационально расставленная мебель превращала пространство помещения в узкий коридор.

В глаза сразу же бросились бы пистолет и кобура от него, лежавшие поверх тонкого ежедневника. «Беретта» калибра 9 мм.

В глубине кухни он бы увидел женщину с фотографии, помешивавшую что-то деревянной ложкой в кипящей кастрюле. На фотографиях она немного похожа на Анжелу Бассет, но наяву она скорее смахивает на Анджелину Джоли, только кожа у нее более матовая, чем у актрисы. Погрузившись в чтение книги «Над пропастью во ржи», она не чувствует, как по ее руке поднимается пар. Несмотря на бесформенный пуловер, спадающий на брюки, видно, что у нее атлетическое телосложение. На ногах женщины — плетеные туфли.

С этого расстояния ей можно дать лет тридцать или чуть больше. Естественно-смуглая кожа говорит в пользу афроамериканского происхождения отца или матери, или же кого-то из дедушек-бабушек. Заплетенные косички стянуты в неровный пучок, заколотый китайской шпилькой. Полные, розоватые губы, изящный нос и огромные глаза — черные бездонные колодцы. Она задумчива, даже сосредоточенна. Положила ложку

и перевернула страницу так быстро, что чуть надорвала ее. Ее зовут Аннабель О'Доннел.

Вот уже четыре года она — детектив 78-го Бруклинского участка и сегодня вечером вполне готова приступить к ужину, который станет достойной наградой за дневные труды. Но всего этого оказалось бы уже слишком много для любопытного посетителя, и, пройдя мимо прислонившейся к окну Аннабель, он растворился бы в ночи.

В это окно с высоты Бруклинского холма виднелись Манхэттен и его сверкающие башни.

...Сидя на разноцветной софе, Аннабель ела спагетти, не отрываясь от чтения и слушая музыку. Полночь близилась, но если тело женщины чувствовало усталость, то рассудок, напротив, был свеж. Она жадно читала страницу за страницей. С самого раннего детства она обожала читать. В углу салона кучами лежали книги, некоторые из них пожелтели, башни из бумаги грозили рухнуть. Аннабель никогда не приобретала книжные полки, ей нравился пыльный шарм всевозможных нагромождений, росших от года к году. Она не выбрасывала ничего, даже журналы, набивая ими плетеную корзину. Все журналы, попадавшие ей в руки, также оказывались либо в ящиках, либо в картонных коробках, там же вперемешку лежали неудачные фотографии или билеты в кино, сохраненные в память о приятных вечерах. В целом же ее квартира была довольно просторной — немного мебели и огромное количество украшений; женщина позаботилась о том, чтобы ее мании не бросались в глаза.

Возле софы горела одна-единственная лампа, ее абажур был сделан из кожи верблюда; эту лампу мужчина с фотографии привез Аннабель два года назад. Женщина читала, читала и читала — до тех пор, пока последняя страница книги не раскрыла ей все тайны и не подтвердила сделанные ею выводы. Некоторое время она размышляла, с восхищением разглядывая сквозь стекло теперь лишь частично видимый Манхэттенский skyline*. У подножия зданий сливались Гудзон и Ист-Ривер, превращаясь в одно гигантское черное пятно.

---

* Линия горизонта (англ.).

Аннабель вздрогнула. Возле ее головы зазвонил телефон.

У нее не было привычки разговаривать по домашнему телефону так поздно. Рабочие звонки приходили ей только на мобильный. Протянув руку к этажерке, на которой стоял аппарат, Аннабель сняла трубку.

— Аннабель, это я, Джек, — сразу произнесли на том конце провода.

— Джек?

Джек Тэйер был ее напарником. И как любой напарник, он стал для нее значить немного больше — он стал другом, которому Аннабель доверяла. Но он звонил ей по городскому номеру очень редко и всегда — в урочные часы.

— Разбудил? — спросил он без малейшего намека на извинения в голосе.

Его тон был властным, видимо, что-то срочное, что-то серьезное.

— Нет, но я уже не на службе. Ни сегодня вечером, ни тем более сегодня ночью. И для тебя и для всех остальных, — деловым тоном закончила Аннабель.

— Слушай, я тут немного задержался, чтобы составить компанию ребятам, и... Только что наткнулся на нечто важное. Ты мне нужна.

— Что? Как, прямо сейчас? Ты смеешься, Джек! Я...

— В Проспект-парке только что нашли женщину, — перебил он ее. — Голую и...

Аннабель слушала, предвкушая самое худшее.

— Тебе нужно приехать, ей необходимо, чтобы рядом была женщина, — закончил Джек Тейер. — Она все еще в шоке.

— Джек, сегодня ночью на нашем участке работают другие детективы, почему именно я?

Казалось, на другом конце провода раздумывают. Да, детектив Тэйер, никогда не терявший времени попусту и нереально честолюбивый, словно собирался с духом.

— Возможно, ее похитили, — подытожил он.

Сердце Аннабель сжалось. Она закрыла глаза. Волшебные слова: «похищение» и «исчезновение». Весь 78-й участок знал, что не стоит произносить эти слова при ней. Ни в одной из двух подобных ситуаций она не оказывалась, но каждый раз переживала их с затаенной болью.

Аннабель попыталась выбросить все это из головы, не дожидаясь того, чтобы дурнота накрыла ее, и спросила:

— А что с обстоятельствами?

Джек Тэйер глубоко вздохнул, словно набираясь мужества, чтобы ринуться в бой.

— Один из охранников парка обходил вокруг озера, когда у него сработала рация. Суматоха была вызвана «голой женщиной, куда-то бежавшей в истерике» в начале вечера. Она исчезла в южном конце парка, в Перголе на Парксайт-авеню. Коллеги этого охранника попросили взглянуть на это. И он нашел женщину — она была в полубредовом состоянии.

Тэйер снова выдержал паузу, подыскивая слова.

— Думаю, тебе стоит приехать, — закончил он недовольно. — Охранник, обнаруживший женщину, решил, что она сама сделала это с собой, что она сумасшедшая. Но мне это кажется невозможным; кто-то ее...

— Что, Джек? Что с ней?

Казалось, он вновь колеблется.

— Не по телефону. Тебе самой нужно все увидеть, приезжай, я на вилле Личфилд, у лесников.

В течение следующей минуты Аннабель взяла пистолет, надела пуловер потеплее и захватила куртку. Наэлектризованная контрастом между своим состоянием первоначальной сосредоточенности и быстротой последующего телефонного разговора, она невольно встряхнула головой, направляясь к машине.

Ей потребовалась пара минут, чтобы отдышаться, держа руки на руле; потом она повернула ключ зажигания.

Под угрюмым взглядом не покидавшей Бруклин луны Аннабель пересекала город, похожий на укрепление варваров.

Расположенная в глубине западной части Проспект-парка вилла Личфилд была похожа на корабль, потерявшийся в ночи. Окна светились среди зелени дубов и кленов, над тесной дорогой, извивавшейся по направлению к крошечной стоянке.

Белые верхушки башен коричневого особняка доминировали над лесным пейзажем, возвышаясь посреди двухсот десяти гектаров частной собственности, похожих на огромное бесформенное пятно в средоточии бруклинских улиц.

Аннабель знала этот дом. Проспект-парк был прикреплен к 78 участку еще в 1993 году, и ее часто отправляли сюда разбираться с теми или иными проблемами, возникавшими здесь. Тем не менее она ни разу не была на вилле Личфилд ночью; шикарное жилище в темноте напоминало мрачный маленький замок.

Она хлопнула дверью своего полноприводного БМВ и направилась к входу. На столбе трепетали от ветра еле видимые в темноте флаги. Аннабель вдруг представила себе шум крыльев гигантских летучих мышей. «Здорово придумала, — сказала она себе. — Ничего лучше в голове не родилось?»

Поднявшись по ступенькам крыльца, она ощутила всю серьезность ситуации, заметив волнение, царившее в холле.

Вилла, сдаваемая в аренду под офисы, в темное время суток пустовала. Однако сегодня в половине первого ночи поддожжены мужчин в форме лесников, нервно переговариваясь, меряли шагами первый этаж. Большинство из них грелись, держа в руках стаканчики с дымящимся кофе. Когда Аннабель вошла, один из них, высокий блондин с изящно подстриженными усиками, приблизился к ней и протянул руку.

— Детектив... м-м, О'Доннел?

Аннабель кивнула.

— Меня зовут Стенли Бриггс, это я ее нашел, — пояснил он с едва заметной гордостью. — Идем, ваши коллеги на втором этаже.

Он повел ее к крутой, плохо освещенной лестнице.

— Не обижайтесь, — произнесла Аннабель дружеским тоном, — но когда это в парке были охранники вроде вас? Здесь есть специальная бригада, которая должна этим заниматься, но насколько мне известно, они не патрулируют по ночам.

— Именно по этой причине мы и находимся тут, мисс.

— Миссис.

— А, простите. Мы охраняем часть «Альянс Проспект-парка», следим за порядком. Несколько месяцев банды желтых